

Чернова К.А.,
магистрант философского факультета
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»

Философское содержание гедонистических взглядов де Сада

Статья рассматривает основные философские идеи творчества маркиза де Сада. Проводится анализ воплощения идей де Сада через призму развития вульгарного гедонизма.

Ключевые слова: *гедонизм, маркиз де Сад, суверенный человек, антигуманизм.*

Chernova K.A.,
Undergraduate Faculty of Philosophy
Orel State University

Philosophical content hedonistic views of de Sade

The article considers the basic philosophical ideas of the Marquis de Sade. The author analyzes the implementation of ideas de Sade, he considers the de Sade's idea from the standpoint of vulgar hedonism.

Keywords: *hedonism, Marquis de Sade, the sovereign people, anti-humanism.*

Жизнь и творчество маркиза де Сада приходится на XVIII век – век Просвещения, время, когда нашли своё широкое распространение идеи о «естественном праве», где существовали грубый механицизм и вульгарный материализм и совершенно неразвитая антропология. Общество той эпохи – это было общество пуританских нравов и вместе с тем, разнузданных и развратных бездельников-аристократов, революционных движений во Франции, установления либеральных ценностей. Время, которому были свойственны свои заблуждения и пороки. Томас Дональд писал: «Величайшее преступление, совершенное Садом, в глазах потомков состояло в том, что он создал вымышленный мир, жестокость и сексуальная экстравагантность которого представлялась клеветой на общество того времени». [6, с.53] Но в жизни общества маркиза и его класса явно вырисовывались почти все пороки, изображенные им посредством терминов сексуальных грёз. Вот оно – величайшее преступление, как говорил один из героев пьесы Сартра: «Люди станут молить, чтобы ты осудил их. Но будь осторожен – суди их только за ошибки, в которых они тебе признались: остальное никого не касается, они не поблагодарят тебя, если ты обнаружишь что-нибудь сам» [13, с.173]. В. Ерофеев в своём эссе «Маркиз де Сад, садизм и XX век», отмечал, что нравы Франции XVIII века отличались

фривольностью, и распутство аристократии было достаточно распространённым феноменом того времени. Сам же де Сад был рядовым аристократом, который не отставал от моды.

Все основные философские и политические идеи, благополучно впитанные де Садам, переработанные в годы его заключения в Бастилию и получившие вольную трактовку впоследствии, были отражением настроения и духа его времени, оборотной её стороной. Тут были и идеи Гельвеция, с его сенсуалистским пониманием сущности человека, и Вольтер с призывом «раздавить гадину», и «дикарь» Жан-Жака Руссо. При жизни де Сада не чествовали, а современники давали следующие определения его творчества – «безнравственно», «отвратительно», «ужасно». Сен-Бёв писал о произведениях де Сада: «Позерство в сочетании с корыстолюбием, с меркантилизмом в литературе, со стремлением повыгоднее использовать дурные наклонности публики вызвало к жизни – если говорить о произведениях, созданных воображением, и о романе – какую-то рафинированную безнравственность и развращённость, это характерное явление, ставшее для нас уже чем-то привычным, – отвратительная гниющая язва, с каждым днем все более разрастающаяся» [14, с.283]. Можно предположить, что произведения де Сада скорее манипуляция, эпатирование, обличение и гипертрофированный образ нравов Франции XVIII века. Де Сада обвиняли в бездарности и графомании. Доктор Альмера в биографическом труде о де Саде отмечал, что страсть к литературе, а затем и к писательству появилась в годы заключения [1, с.68]. И ведь, правда, за годы заключения де Сад написал половину прославивших его впоследствии произведений – от пьес до романов – сюда входят знаменитые «Жюстина» и «Жюльетта», а также «120 дней Содома».

Вдохновленный революционным движением, де Сад стал отождествлять себя с протестным революционным духом, с человеком, страдающим от гнёта старой деспотической системы. Маркиз де Сад считал себя жертвой монархической власти, он был захвачен идеей об изменении законов и нравов, и, преимущественно, нравов других. Тем самым своё творчество он ассоциировал с революционной деятельностью, и все его идеи были прикрыты вуалью республиканских идей и лозунгов. Но вот в самих произведениях нет ничего революционного, возможно, протест, бунт, но не имеющий прямой связи с революционным движением. Этические и философские воззрения, которые воплощали собой переработанные идеи философии XVIII века, были вложены в уста его героев. Многие исследователи считают де Сада продолжателем просветительских и гуманистических идей Д. Дидро и Гольбаха. Но «философия» де Сада не только выступает против бога, она антигуманистична, т.е. она и против самого человека. Как отмечают многие исследователи произведений маркиза, это воспитательный роман наизнанку. Формирование личности подменено разрушением личности, общественное призвание человека полностью

вычеркивается, и сочинение де Сада превращается в апологию эгоизма и не сдерживаемого никакими рамками патологического гедонизма [7, с.236].

В своих произведениях де Сад делает акцент на сексуальности, а если быть точнее, на девиации сексуального поведения. Как писал Ж. Батай: «Система Сада – это разрушительная форма эротизма» [9, с.125]. Произведения де Сада – апофеоз гедонистической идеи. Повествование в произведениях строится на параллели безнравственного нравоучения и актами сексуального характера, наполненными садизмом, содомией и прочими извращениями. Действительно, перед читателями раскрывается философия в будуаре, где герои, то ли оправдывая своё поведение – философствуют, то ли предаются размышлениям от скуки в перерывах между действием. Безусловно, сцены философствующих, порочных, потерявших человеческое лицо в бесноватом совокуплении выглядят гротескно и абсурдно. Но, может, этого и добивается автор. В творчестве де Сада происходит абсолютизация гедонистического начала в человеке. Гедонизм, который граничит с психопатологическими состояниями, а сам акт вожделения, чувственного наслаждения является высшей точкой воплощения гедонистической идеи. Следует отметить и нездоровый характер эротики де Сада, что впоследствии стало поводом назвать одну из девиаций сексуального поведения садизмом. Здесь гедонизм представлен нам как следствие пресыщенности и скуки. Когда человек живёт для получения различного рода наслаждений, то в конце концов наступает пресыщение, но изменить модель поведения уже не представляется возможным, и тогда индивид совершает попытки получать удовольствия, но более извращённым способом. Порог «нормы» начинает бесконечно отдаляться. Путь гедониста – путь уже бесчувственного, но вечно жаждущего существа.

Нельзя с полной уверенностью сказать, что то, что говорят персонажи пьес и романов, есть слова самого автора. Ж. Батай в своей книге «Литература и Зло» отметил: «Давайте договоримся – совершенно бесполезно воспринимать Сада буквально и серьезно» [4, с.79]. Итак, с полным осознанием того, что произведения Маркиза де Сада являются скорее карикатурой и вызовом, мы и будем разбирать его творчество.

Если присмотреться, то можно увидеть, что персонажи Маркиза де Сада ярко демонстрируют то, каким может оказаться «естественный человек», вернувшийся к своим корням, к природе, которого так идеализировал Жан-Жак Руссо. Ведь лозунги: «Назад, к природе!» – не были чужды и десадовским героям. Фактически произведения де Сада карикатура на «естественного человека», который отдался во власть природы, своих инстинктов и порывов. Назад к природе, назад к язычеству, к дионисийским пляскам-вакханалиям. Таким образом, предаться природе равносильно погружению в бесконечное потакание своим гедонистическим порывам. Один из героев «Философии в будуаре» говорил: «Если бы природа пожелала запретить содомию, инцест <...> то она не позволила бы нам испытывать от этого столько наслаждения» [4, с.77]. Всё, что приносит человеку

удовольствие, есть благо, стремление к такому удовольствию есть дань благодарности самой природе. Его философия проста: каждый должен делать то, что ему приятно, он не имеет другого закона, кроме своего удовольствия.

Сама мораль де Сада, как отмечал Морис Бланшо, основана на первоначальном факте абсолютного одиночества [5, с.51]. Сад говорил и повторял на разные лады: природа понудила нас родиться одиночками, и нет никаких связей между одним человеком и другим. Человек автономен по отношению к другим, а значит и свободен в своих действиях. Тем самым, единственное правило поведения – предпочитать все, что действует на меня благоприятно, не затрудняя себя отчетом в последствиях, которые этот выбор может повлечь для других. Философия де Сада – философия заинтересованности, всеобщего эгоизма. Каждый должен делать то, что ему приятно, он не имеет другого закона, кроме своего удовольствия. Какая важность, если самое слабое свое наслаждение я должен оплатить неслыханным нагромождением злодеяний, ибо наслаждение меня нежит, оно во мне, ну, а последствия преступления меня не касаются, они – вне меня [5, с.51]. Здесь человек – мера всех вещей, в том смысле, что эгоистическая природа человека становится гипертрофированной, эгоизм абсолютизируется и человек в глазах ненасытного, ввергнутого в пучину своих инстинктов и желаний, «естественного человека» становится «средством, а не целью»: «Лучше доверимся нашей матери-природе, побуждающей нас не считаться решительно ни с кем; прислушаемся к её эгоистичному голосу – и ясно зазвучит разумный благой совет: услаждай самого себя, не важно, за чей счёт» [5, с.100]. Его герои отрицают бога, подвергая его хуле, ругают религию, но при этом заменяют её неким культом Природы, культом естества. «Другой» же в этом акте освобождения объективируется, являясь лишь элементом, не представляющим ценности, средством для самореализации «Я», ибо кто допускает ценность другой личности, непременно себя ограничивает.

Но и жить в своё удовольствие могут лишь избранные, познавшие истинную природу человека. Десадовский герой лицемерен, хитер и изворотлив, он понимает, что открытое отстаивание своих идей и убеждений может негативно сказаться на нём, а, следовательно, и станет преградой для актуализации удовольствия. Законы, пригодные для общества, совершенно неприемлемы для каждого из входящих в его состав индивидов – изрекает его герой, – но человек мудрый глубоко презирает общественные законы, однако мирится с ними [5, с.149]. Ещё до Ницше де Сад озвучивает идею относительности «добра и зла», добродетели и порока, человек должен быть выше пустых и необоснованных оценок. Он должен перешагнуть черту, что не даёт ему слиться с природой, разрушить стену суеверия и религиозности. Но если для Ницше человек «по ту сторону добра и зла», это тот, кто поступает, не полагаясь на авторитеты, кто понимает относительность всех моральных установок, являясь, прежде всего, воплощением сильного духа и непоколебимой воли. Десадовский «сверхчеловек» – это человек, отчасти

похожий на то, что описывал Ницше, но целью его является получение бесконечного удовольствия, это разрушающий эгоцентризм, где разрушение всего вокруг является нормальным, покуда способствует получению наслаждения. Десадовский герой уникален, он может то, чего не могут другие, он исходит из абсолютного эгоизма, который заложен природой. Ж. Батай писал: «Сексуальное удовлетворение, к которому стремятся все, не есть то удовлетворение, которое Сад намерен сделать целью своих воображаемых героев. Сексуальность, о которой он размышляет, даже идет вразрез с желаниями других людей (почти всех людей), становящихся в таком случае уже не партнерами, а жертвами. Отрицание партнеров, по Саду, является ключевым элементом его системы. Сексуальный союз в основах своих скомпрометирован, он – нечто среднее между жизнью и смертью: только при условии разрыва общности, его ограничивающей, эротизм обнаруживает свой насильственный характер, который есть его суть и осуществление которого только и соответствует образу суверенного человека» [3, с.119]. Также в произведениях де Сада отражена крайняя форма конфликта между человеком и обществом, в котором ни одна индивидуальность не может уцелеть, не подавляя себя.

Через грубый эротизм де Сад раскрывает идею абсолютного гедонизма, не отрицая того, что в целом он ведёт к разрушению. Де Сад абсолютизирует разрушающее начало в человеке, делая его одной из черт «естественного человека»: «Разрушение – один из первейших законов природы, а значит, ничто из ведущего к распаду, не вправе считаться преступным» [10, с.191]. И, говоря о сущности человека, его природы, выделяет три определяющие наклонности: содомия, святотатство и жестокость [10, с.201]. Провозглашение этих трёх китов в качестве основных естественных начал в человеке бросает вызов христианскому пониманию человека как высшего тварного существа, созданного по образу и подобию бога. Вся мораль героев произведений Донасье де Сада строится на противоположении религиозной, в данном случае христианской, морали. В то же время, в произведениях де Сада немало морализаторских речей, призывающих к благоразумию в отношении своих желаний. Так, например, в рассказе «Фровиль и Курваль, или Фатализм» мы обнаруживаем слова, принадлежащие отцу главной героини, о том, что изрядное потакание своим порокам разрушает в человеке те единственные начала, что способны уравновесить его порочность, и не остаётся никаких сомнений – рано или поздно он падёт жертвой своих ужасных принципов [11, с.238]. Фактически де Сад в этих речах даёт и критику своим идеям. Стоит заметить ещё один замечательный факт, сам маркиз в письме к его жене Рене-Пелажи Монтрей писал: «Да, я распутник и признаюсь в этом, я постиг все, что можно было постичь в этой области, но я, конечно, не сделал всего того, что постиг, и, конечно, не сделаю никогда» [11, с.238]. Его концепция человека не является некой формой, шаблоном, руководством к действию. Десадовский герой с одной стороны – абстрактный образ, с другой – универсальное лекало для

создания абсолютного порока. Ронал Барт писал: то, что происходит в романах Сада абсолютно баснословно (в прямом смысле слова), т. е. невозможно [2, с.185].

Так что же представляет собой десадовский гедонист? Если попробовать написать портрет этого человека, то мы увидим неуёмного алчущего наслаждений эгоиста без веры ни в бога, ни в человека. Общество де Сада – это общество процветающих сексуальных извращений, проституции и насилия, общество, где убийство и надругательство над человеком всегда найдёт оправдание. Вряд ли это и есть воплощение республиканских ценностей и идеалов. Да и сам де Сад не жил теми принципами, что вкладывал в свои произведения. Общество, которое мы можем увидеть в произведениях де Сада, это общество скупающих, пресыщенных наслаждениями, эгоцентричных декадентов, которые в один момент из интеллектуальной элиты превращаются в дикое, неуёмное животное. Эссе «Французы, ещё одно усилие, если вы желаете стать республиканцами», которое читает вслух один из героев романа «Философия в будуаре», вырисовывает нам яркую республиканскую антиутопию. В нем с особенной силой высказываются радикальные убеждения де Сада. Следует отметить, что во время Французской революции 1848 года это эссе широко распространялось отдельной брошюрой и пользовалось большим влиянием как патриотическое и революционное произведение.

В первой главе этого опуса озвучиваются антиатеистические взгляды, провозглашения личной свободы человека от деспотической власти, но не только политической, но и духовной, т.е. от религии. Во второй части мы видим логический вывод из предложенного тезиса о свободе слова и действия. Предоставляя людям свободу, почти не останется наказуемых преступлений, «ибо на самом деле существует весьма немного преступных деяний в обществе, которое зиждется на свободе и равенстве...». Атеистическая мораль говорит о том, что личное счастье одного состоит в действиях, которые делали бы других такими же счастливыми, какими мы хотели бы быть сами. Но речь не идет о том, чтобы любить ближнего, как самого себя, говоря словами автора эссе, «это противно законам природы, а ведь одна только она должна управлять нашими законами...». Провозглашается общность мужчин и женщин, детей, упраздняя при этом институт брака, а все богатства, посредством кражи и грабежа, – всё это следствие свободы. Следование излагаемым принципам приводит к тому, что они должны ввергнуть общество в состояние вечного движения, в состояние перманентной безнравственности, то есть неизбежно привести к его же собственному разрушению. Пьер Клоссовски называет утопию де Сада утопией зла [8, с.43]. Абсолютная свобода, которая ведёт к стремлению перманентного наслаждения, может привести к гибели человеческого общества. Как нам кажется, сам де Сад это прекрасно понимал.

Когда бросаешь первый взгляд на произведения Маркиза де Сада, казалось бы, не остаётся никаких сомнений в том, что ничего, кроме

одиозного эпатажа и психопатологической фантазии, там нет. С другой стороны, есть и положительный момент, который можно извлечь из творчества Донасье де Сада. Во-первых, это иной взгляд на «естественного человека», деидеализация «дикаря» Руссо. В отличие от большинства мыслителей своего времени, де Сад был наиболее честным в соотношении «творчество и жизнь»; не сказать, что он полностью воплощал в реальность свою философию, но не парировал высокими идеями, призывая к нравственности, скромности и другим добродетелям на фоне не самой благодетельной жизни, как это было в случае с Ж-Ж. Руссо. Во-вторых, творчество де Сада являет собой некий перевёртыш существовавшей тогда морали, основанной на христианских ценностях, а также взгляд на то, каким может быть общество, исповедующее «философию» де Сада. Вся моральная философия эпохи Просвещения говорит о гедонизме как о естественном свойстве человека, которое нельзя преодолеть, но можно и нужно направить в необходимое русло. Философы того времени придерживались идеи об индивидуальном счастье, которое возможно без покушения на свободу ближнего, способного держаться в рамках интереса общества.

Переходя к проблеме гедонизма в творчестве де Сада, следует отметить тот факт, что его творчество отражает противоположную тенденцию. Де Сад не стремится идеализировать стремление человека к наслаждению, скорее, наоборот, оно полностью рафинировано от всякого морализаторства. Как писал М. Рылкин в статье «Нетки в зеркалах»: «Никогда и никто не делал из физической этики материалистов таких парадоксальных выводов, как Сад» [9, с.7]. Позиции и принципы, предлагаемые им, могут быть свойственны обществу без бога и без человека, это то, к чему может привести нигилизм, доведённый до абсолюта, это абсолютный декаданс, где наслаждение есть только в начале пути, а дальше мы видим животную гонку за ощущениями, постоянную потребность «напоминать», «обновлять» эти ощущения. И в этой погоне уже нет ни человека, ни тем более бога. Ж. Батай писал: «От чудовищности творчества Сада исходит скука, но именно эта скука и есть его смысл» [3, с.78]. Эта скука есть проявление декаденского гедонизма, уставшего и не желающего ничего.

Таким образом, Маркиз де Сад задал темп в развитии принципа гедонизма, полностью реабилитировав его. Позже ряд писателей стали развивать темы гедонизма в своих литературных произведениях. Оскар Уайлд, Шарль Бодлер, Пьер Луис, Леопольд фон Захер-Мазох обращались в своих произведениях к чувственной природе человека, подчёркивая своё благосклонное отношение к данной теме. В дальнейшем гедонизм, с его вульгарным эротизмом становится всё более популярной темой в литературе, а затем в кинематографе, приобретая всё новые оттенки: от безудержного дионисийского порыва до декаденского тления.

Список литературы

1. Альмера «Маркиз де Сад»/ Серия «Мужчина-миф»/ М., 1999.
2. *Барт Р.* «Сад – I»/ Рылкин М. К, «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура», 1992.
3. *Батай Ж.* «Литература и Зло», Пер. с фр. и коммент. Н.В. Бунтман и Е.Г. Домогацкой, предисл. Н.В. Бунтман. М.: Изд-во МГУ, 1994
4. *Батай Ж.* Суверенный человек Сада / Рылкин М. К, «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура», 1998.
5. *Бланишо М.*, САД / Рылкин М. К, «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура», 1998.
6. *Дональд Т.*, «Маркиз де Сад. Иллюстрированная биография», Изд.: Крон-Пресс, 1998.
7. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Гл. редкол: Г. П. Бердников (гл. ред.), А. С. Бушмин, Ю. Б. Виппер (зам. гл. ред.), Д. С. Лихачев, Г. И. Ломидзе, Д. Ф. Марков, А. Д. Михайлов, С. В. Никольский, Б. Б. Пиотровский, Г. М. Фридендер, М. Б. Храпченко, Е. П. Чельшев. — М.: Наука, 1983—1994., Т.5,
8. *Клоссовски П.* «Сад и революция» /Рылкин М. К, «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура»/, 1992.
9. *Рылкин М. К.* «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура»,
10. *Рылкин М. К.* «Маркиз де Сад и XX век», пер. с фр., М., РИК, «Культура»/, 1992.
11. *Сад Д.-А.-Ф. де* «Философия в будуаре, или Безнравственные наставники», Изд.: Гелиос, М., 2008.
12. *Сад Д.-А.-Ф. де*, Письма вечного узника, М.: Изд.: Эксмо, 2005.
13. *Сартр Ж.-П.*, «Слова. Мухи. Почтительная потаскушка. За закрытыми дверями»: [пер. с фр.] М., Изд.: АСТ, 2010.
14. *Сен-Бёв*, Литературные портреты, Изд. «Художественная литература», М., 1970.

References

1. Almera "Marquis de Sade" / Series "man-myth" / M., 1999.
2. *Bart R.* " Sade - I». M., RIC, 1992.
3. *Bataille J.* "Literature and Evil". M., 1994.
4. *Bataille J.* Sovereign people of the Sade / Rylkin M. K, "Marquis de Sade and the twentieth century", trans. with fr., M., RIC, "Culture"
5. *Blanchot M.* Sade / Rylkin M. K, "Marquis de Sade and the twentieth century", trans. with fr., M., RIC, "Culture", 1998.
6. *Donald T.* "Marquis de Sade. Illustrated biography ", Ed .: Crown Press, 1998.
7. History of World Literature: In 8 volumes / USSR Academy of Sciences; Institute of world literature. them. Gorky; M., Science, 1983-1994., V.5,

8. *Klossowski P.* "Garden and Revolution" / Rylkin M. K, "Marquis de Sade and the twentieth century", trans. with fr., M., RIC, "Culture" / 1992.
9. *Rylkin M.K.* "Marquis de Sade and the twentieth century", trans. with fr., M., RIC, "Culture"1998.
10. *Rylkin M.K.* "Marquis de Sade and the twentieth century", trans. with fr., M., RIC, "Culture" / 1992.
11. *Sade D.-A.-F.* de "Philosophy in the Bedroom, mentors or immoral," M., 2008.
12. *Sade D.-A.-F.* de, Letters eternal prisoner, M., 2005.
13. *Sartre M.P.* "Nightingale. Flies. Respectful slut. Behind closed doors ". M., 2010
14. *Saint-Beuve*, Literary portraits. M., 1970.